

ИЗ
ИСТОРИИ
ФИЛОСОФИИ
XIX
ВЕКА

СПБЗ СОЦЖГИЗ 1933

33-4
1383 а

ИНСТИТУТ
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ ФИЛОСОФИИ

ИЗ
ИСТОРИИ
ФИЛОСОФИИ
XIX
ВЕКА

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
И. К. ЛУППОЛА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1933

VIII. МАХИЗМ НА РУССКОЙ ПОЧВЕ

1. Социально-исторические предпосылки возникновения махизма в России

Пышный расцвет махизма в России падает на период после поражения революции 1905 г., на годы сурового режима реакции. И это, разумеется, далеко не случайно.

В обстановке величайших классовых сдвигов, которые совершались в стране, при крутой ломке старых устоев общественной жизни и перегруппировке партийно-классовых сил Россия времен реакции представляла наиболее благоприятную почву для махизма, с успехом вербовавшего себе сторонников среди колеблющихся между революцией и реакцией мелкобуржуазных слоев, среди элементов, не нашедших общего языка с революционным пролетариатом.

Не избегали этого и отдельные неустойчивые представители рабочего движения даже из большевистского крыла социал-демократической партии.

Для этого, повторяем, имелись глубокие причины.

В стране с незначительным процентом рабочего населения, при громадной отсталости аграрных отношений, какой была царская Россия к 1905 г., всю тяжесть систематической, непрерывной борьбы вынес пролетариат и естественно в этой борьбе он был сильно истощен. Подавив «гидру революции», правительство и буржуазия объединенными усилиями, шаг за шагом, непрерывно обрушивали на пролетариат одну репрессию за другой.

Разгул полицейщины, преследования и казни, закрытие казенных заводов со специальной карательной целью, локауты и заговоры капиталистов против рабочих и т. д.—все это ввергло рабочие массы в неслыханную нужду.

Партия пролетариата ушла в подполье, десятки передовых борцов были отправлены на казнь, сотни и тысячи посланы на каторгу и в ссылку.

Черная реакция столыпинщины делала свое дело.

Многим недалеким людям из лагеря меньшевистских и левоэсеровских публицистов вместе с слоями мещанской интеллигенции казалось, что революция не дала ничего положительного, оказавшись напрасно затеянным делом.

родоведения. Но подобно тому, как помимо Дарвина существовали дарвинисты, ворвавшиеся со своими естественнонаучными методами в сферу истории, в которую внесли ужасающую смуту, — кроме Маха существуют также «махисты», испытывающие то же самое желание и достигающие тех же самых результатов¹.

Меринг не дает конкретного исследования теоретических основ махизма по существу, не видит его питательных соков, идущих от кризиса естествознания в форме идеалистических выводов. Идеологический туман последних достижений «новейшей позитивной науки» оказался достаточно густым, чтобы в известной мере окутать и его собственную голову. В силу этого для Меринга не существует классического махизма как философской теории, как определенной системы субъективного идеализма. Он знает только «махизм», махизм в кавычках. Это — махизм эпигонов Маха и Авенариуса, их неудачливых учеников и непоследовательных адептов.

Из этой сжатой характеристики мы видим, что в общем и целом на светлом фоне философских воззрений Меринга выступает достаточно темное пятно — непонимание махизма, как яркого признака идеологического вырождения буржуазии, оказывающего свое тлетворное действие на все окружающее, а потому заслуживающего решительного отпора со стороны идеологов пролетариата.

4. Плеханов и его ученики в критике махизма

Критика махизма на русской почве открывается так называемой «плехановской школой ортодоксов» во главе с самим Плехановым при участии соратников его в лице Л. Аксельрод, А. Деборина, Рахметова и др. и завершается ленинской критикой махизма. Перед нами, по существу, встает вопрос об отличиях и особенностях критики махистского ревизионизма со стороны теоретиков меньшевизма и большевизма.

Марксизм-ленинизм никогда не рассматривал философию обособленно от практики революционного движения, от конкретных путей движения классов и задач классовой борьбы пролетариата. Главное, что отличает пролетарское движение во всем мире, это то, что на длинном историческом пути своего развития оно руководствовалось единственно научной теорией — методом и мировоззрением диалектического материализма. Мы уже видели, как Ленин настойчиво подчеркивал недопустимость разрыва или игнорирования отдельных сторон марксизма, подчеркивал его действенный, революционно-творческий характер, связь споров в области философии с рабочим движением. Это же характерно и для Маркса. Еще в своих ранних работах («К критике гегелевской философии права») Маркс со всей силой подчеркивал связь философии с жизнью, связь теории с действительностью, соответствие философии жизненным запросам данных общественных классов. «Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она сама есть осуществление действительности», — говорил Маркс.

¹ Меринг, На страже марксизма, стр. 136.

Уже здесь выражено главное научное положение: нет и не может быть революционного движения без революционной теории. Сущность единства теории и практики, этого важнейшего принципа марксистской философии, находящего свое воплощение в революционной, активно-творческой деятельности пролетариата, как раз в том и заключается, что теория становится фактом лишь при условии, когда она сама является подлинным выражением назревших жизненных потребностей пролетариата. Вопросы революционной практической деятельности как основы метода марксовского материализма (лежащей и в основе ленинизма) и связь их с вопросами общеполитической концепции, т. е. метода и мирозерцания, играют решающую роль в понимании того места и значения, которые имеет методологическое обоснование тактики пролетариата. Эту сторону вопроса Ленин подчеркивал бесконечное число раз. В «Трех источниках» он говорит о том неослабном внимании, которое Маркс уделял в течение всей своей жизни вопросам тактики классовой борьбы пролетариата, рассматривая сами классы не в спокойном их пребывании, а в непрерывном движении по законам, вытекающим из условий их материального существования. Само же движение классов Маркс рассматривал «не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего, и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически». Подчеркивая все это, Ленин особо оттеняет, что «основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мирозерцания»¹.

Развитие марксизма-ленинизма как единой и строго последовательной методологии шло в неразрывном сочетании с процессом нарастания борьбы классов и пролетарской революции. Совершенно обратную картину в этом отношении представляет собою эволюция международного и русского оппортунизма в рабочем движении. Наглядным примером этого служит тактическая и политическая линия меньшевиков на историческом отрезке от первой до третьей русской революции. Буржуазное перерождение партии меньшевиков чем дальше, тем больше сопровождалось разжижением их философских принципов, притуплением революционного острия марксизма за счет все более заметного возобладания в системе их мышления элементов метафизики, вульгарно-механической методологии вообще. Меньшевики никогда не понимали, что обязательной предпосылкой правильной тактики и политики рабочего класса является единый метод и единое мировоззрение диалектического материализма, только и позволяющие охватить вещи и явления в их целом, в их действительной связи и единстве, во всей конкретной совокупности условий их закономерного развития. По поводу заметок меньшевика Суханова «О нашей революции», в отношении лиц, похвалявшихся своим «глубоким» пониманием марксизма, Ленин писал, что «они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно его революционной диалектики»².

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 28.

² Ленин, Соч., т. XXII, стр. 398.

Отсюда непоследовательность меньшевистских теоретиков, даже в их лучшие прошлые годы, в защите марксизма от наступления буржуазной идеологии, непонимание ими всей важности и необходимости решительной защиты коренных теоретических положений марксизма от всевозможных искажений. Это наглядно видно из всей истории борьбы марксизма с ревизионизмом, в частности с реакционным неокантианством и махизмом. Борьба Ленина с махизмом окончательно вскрыла всю совокупность методологических ошибок меньшевиков и связь этих ошибок с их тактической и политической линией. Отстаивание своей оппортунистической тактики со стороны таких представителей «марксистской ортодоксии» в меньшевизме, как Плеханов, Аксельрод (Ортодокс), Деборин и пр., в период первой русской революции и последующего режима реакции непосредственно переросло у них в прямую теоретическую борьбу против Ленина (большевизма вообще) вокруг понимания философских основ марксизма.

Конечно нельзя забывать тех огромных заслуг, которые имеет Плеханов перед ортодоксальным марксизмом в его защите от ренегатских извращений Бернштейна, К. Шмидта, от философского вздора Богдановых, Базаровых и др. Ленин говорил, что «единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, был Плеханов»¹, что его философские работы — лучшее из того, что имеется во всей международной марксистской литературе эпохи II интернационала, что нельзя стать настоящим, сознательным коммунистом без изучения и усвоения плехановских работ из области философии. Все, что дал Плеханов лучшему по пропаганде марксизма, по теоретическому обоснованию его отдельных положений на русской почве, вошло в железный инвентарь пролетарской идеологии и не будет уступлено никому. Но при этом не следует упускать из виду, что все сказанное характеризует, выделяет Плеханова лишь на фоне общих теоретических установок II интернационала, а отнюдь не с точки зрения всех требований, предъявляемых диалектическим материализмом. Будучи на голову выше в ряду прочих теоретиков II интернационала (Каутский, Гильфердинг, Вандервельде и т. д.), Плеханов как лучший выразитель и защитник марксизма по сравнению с ними, сам однако не выходил за теоретические рамки II интернационала. Это с неизбежностью сказалось и в критике Плехановым чуждых марксизму философских теорий, в особенности неокантианства и махизма. Эта критика никогда не поднималась до принципиальных высот диалектического материализма, оставаясь на уровне фейербаховского, узко-маханического материализма. Всем известен ленинский афоризм, что «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектико-материалистической точки зрения». Поскольку махизм, будучи в известном смысле модификацией агностицизма Юма, имеет прямые точки соприкосновения с кантианством, эта ленинская характеристика в равной мере относится и к критике Плехановым махизма.

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 195.

Во всем этом сказался значительный груз философских ошибок Плеханова, обусловленный сильным влиянием на него антропологизма и биологизма Фейербаха и Чернышевского, непониманием диалектики как теории познания, чертами формализма, агностицизма в его мировоззрении, а отсюда — ярко выраженный разрыв между теорией и практикой, лежавший в основе всей меньшевистской тактики.

Разумеется, мы отнюдь не хотим выставить Плеханова в какой бы то ни было мере сознательным махистом, эклектически сочетающим в себе кусочки разнородных, непримиримых философских концепций. Напротив, как мы выше указывали, из актива Плеханова никак не могут быть вычеркнуты роль и значение его в борьбе с махистами в разоблачении теоретической несостоятельности новейших ревизионистов.

Но вместе с тем, следует отдать себе полный отчет в том, что собственные ошибки Плеханова в области теории познания — непонимание сути диалектики, подмена марксистской теории отражения иероглифизмом, известный налет кантианства в трактовке вещей в себе, вопроса о свойствах вещей, проблемы пространства и времени и т. д., все эти ошибки делали борьбу Плеханова с махизмом не вполне последовательной, не вполне целеустремленной и в силу этого зачастую безрезультатной. Несомненно в теоретической борьбе против махизма Плеханов объективно выступал заодно с Лениным, и последний в своем «Материализме и эмпириокритицизме» определенно проводит решительную защиту Плеханова от несправедливых нападок русских махистов. Но для этого имелись свои немаловажные причины, лежавшие в трусливой, примитивно замаскированной тактике русских махистов. Дело в том, что русские махисты наступали на диалектический материализм, применяя своеобразный метод: имея затаенную цель попадать в Маркса и Энгельса, открыто однако махисты целились в Плеханова, избрав мишенью его якобы кантианскую метафизику. Вот почему отстаивание Лениным философских принципов марксизма от Юшкевичей, Богдановых, Базаровых и др. объективно совпадало с одновременной защитой от них Плеханова.

Для последнего же борьба с махистами, кроме всего прочего, имела еще особую цель: она являлась во многом защитой и оправданием его собственной линии. Во всем же остальном, как это показывает вся совокупность плехановских высказываний о диалектике и «жестокостных» большевиках, Плеханов далеко не являлся союзником Ленина, как бы ни пытались доказывать это Деборин и деборинцы. Для Ленина это было яснее ясного, и он, отдавая Плеханову должное по заслугам, не упускал случая «по заслугам же» его и отчитывать. В письме к М. Горькому, указывая полную правоту плехановского выступления против махистов по существу, Ленин в то же время подчеркивает, что Плеханов «не умеет, или не хочет, или ленится сказать это конкретно, обстоятельно, просто, без излишнего запутывания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это по-своему»¹. Это ленинское «по-своему», помимо разоблачения всей гнусности и реакционности махизма, рассчитанной

на уловление умов пролетариата в сети буржуазной идеологии, означало вскрытие и критику всей совокупности философских ошибок Плеханова.

Всем известно, что Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» бросает прямой упрек по адресу Плеханова, говоря про определение Энгельсом вещи в себе как неуловимой или непостижимой, что «это важное слово (непостижимой — С. С.) пропущено и в переводе Плеханова и в переводе г. В. Чернова», и указывая, что «Плеханов дал пересказ, а не перевод» марксовского второго тезиса о Фейербахе, что вольный пересказ Плеханова не обязателен для тех, кто хочет знать самого Маркса»¹. Плехановское толкование понятия «опыт» Ленин называет «одной сплошной путаницей» и уличает Плеханова в том, что он вопроса до конца не продумал или не дочитал и легко дался в обман идеалисту, не замечая, что одно только определение опыта как предмета исследования или как средства познания не является решающим; решается же вопрос в самом опыте, в самой человеческой практике, а не в голом «определении», которое остается лишь частичей абстрактного, чисто мыслительного процесса.

Плеханов смотрит на познание, как на такой процесс, который раскрывает нам не качества, не сущность вещи, а лишь ее свойства. Если по Гегелю, Энгельсу, Ленину познать вещь означает познать ее качества, ее сущность, то у Плеханова есть своя формула: «познать вещь — познать ее свойства».

Одно из важнейших положений материалистической диалектики, устаивающее вместо дуалистического понимания процессов бытия и мышления единый процесс последовательного, ступенчатого развития логических категорий нашего познания, — Плехановым так и не было усвоено.

Крупнейшей гносеологической ошибкой является у Плеханова пресловутая теория «соответствия» в противовес ленинской теории отражения, теория «иероглифов» — вместо теории зеркальных изображений, снимков, копий вещей.

Кантианские ошибки Плеханова не подлежат никакому сомнению. От Плеханова по этой части не отставали и его верные ученики — Л. Аксельрод, Деборин, Рахметов и др. Безусловное признание «иероглифов», концепция «простых норм права и нравственности» у Аксельрода, вместе с Плехановым оживившей в годы войны этическое учение Канта, его идею категорического императива и т. д., — все это достаточно хорошо известно широкому читателю. Не меньшую привязанность «к критической гносеологии» Канта обнаруживал в период философской борьбы в России Деборин². Так в статье Деборина «Диалектический материализм», получившей у нас широкую «популярность» по замечаниям Ленина зачастую трудно разобрать, где кончается кантовский критицизм и начинается диалектический материализм, — так сильно выпячивается в трактуемой Дебориным «диалектике или логике противоречий» формальный момент кантовской гносеологии.

¹ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 82, 85.

² В 1917 г. после Февральской революции была обнаружена связь Рахметова, призывавшего к с.д., с охранкой.

¹ I Ленинский сборник, стр. 106.

Рахметов тоже принимал некоторое участие в борьбе с махизмом на стороне меньшевиков, но он усматривал корень метафизики у русских махистов в поисках решения вопроса: что такое сознание, как оно возникает. Рахметов противопоставлял этому точку зрения Маркса, Энгельса и Л. Фейербаха, которые якобы вовсе не занимались вопросом о возникновении сознания и бытия, а только вопросом об их отношении, о том, «где границы и нормы человеческого сознания».

Про коренное положение Маркса о зависимости сознания людей от их общественного бытия Рахметов говорит, что оно «примыкает к Канту в том смысле, что вместе с Кантом задает себе вопрос—как возможен опыт?» Он защищает точку зрения практики, но марксово понимание ее почти отождествляет с кантовским. Критерий практики Рахметов обосновывает цитатой не из Маркса, а... из «Критики чистого разума», по поводу которой говорит, что, отбросив кантовскую оболочку, «мы увидим мысль поразительной научной плодотворности, ту именно мысль, что критерий истинности нашего познания нужно искать в среде взаимоотношений между ним и объектом, объективным миром»¹.

Нам нет надобности более подробно останавливаться на критике махизма со стороны других представителей марксизма, которые в общем борьбу против махизма проводили с одних и тех же плехановских позиций и не представляют собой сколько-нибудь значительного интереса. Мы укажем лишь на Грабовского К. (Горина), который подобно Рахметову критику махизма ведет чрезвычайно путанно, в ярко выраженный меньшевистском духе. В большой книге «Долой материализм», имеющей целью дать «критику эмпириокритической критики», Грабовский подвергает критике главным образом «большевиков»—Луначарского и Богданова, оставляя совершенно в стороне меньшевиков—Юшкевича, Валентинова и др. Грабовский понимает, что Луначарский и Богданов вступают на явно ревизионистский путь, но ему неизвестны сущность и социальные корни их отхода от марксизма. Грабовский утверждает, что «невольный ревизионизм их вытекает из неумения справиться с учением Маркса» и ни слова не говорит о давлении на них со стороны мелкой буржуазии, об их игре в руку реакционной буржуазии, что и обуславливало у них самое «неумение справиться» с теорией Маркса. Это связано у Грабовского с его собственным ошибочным представлением махизма как психологического «отражения в философии умонастроения современной радикальной буржуазии»². В этом смысле, как увидим, Грабовский и Деборин сходятся друг с другом, подчеркивая в качестве социального эквивалента махизма не реакционность его, а радикалистский и, следовательно, до известной степени прогрессивный его характер по сравнению с идеологией империалистической буржуазии.

Собственные воззрения Грабовского насквозь эклектичны: в них причудливо сплетаются между собой кусочки идеализма, позитивизма, энергетизма и вульгарного механического материализма, хотя он и считает себя человеком, проделавшим путь от идеализма до

диалектического материализма, надолго задержавшись на механическом материализме, и отказавшись от него постольку, «поскольку механический материализм является необязательной и поспешной гипотезой»¹. Тенденции вульгаризации диалектического материализма превалируют во всей концепции Грабовского.

Вот в каком окружении выступил Плеханов на борьбу с махизмом в России. Уяснить особенности этой школы марксистов нам необходимо для того, чтобы со всей ясностью понять характер методологии их критики русских махистов. Налет кантовских симпатий у этой группы марксистов замечен во всех их антимахистских выступлениях, не позволяя им подняться до принципиальных позиций диалектического материализма. Вся их критика махизма, ее характер, направление и принципиальная линия неразрывно связаны с охарактеризованными выше философскими их ошибками: пероглифизмом, агностицизмом и прочими проявлениями теоретической непоследовательности, не говоря уже о политическом оппортунизме меньшевизма, о попытках использования махизма во фракционных целях и т. д.

Что является характерной особенностью плехановской методологии в истории философии? Каковы подход Плеханова и приемы его критики антимарксистских философских течений? Идет ли речь о критике кантианства или о критике махизма, Плеханов подходит к ним прежде всего как к определенной научно-литературной работе, как к «системе» изложения определенного мировоззрения и рассматривает, насколько они выдержаны с точки зрения требований, предъявляемых к ним так называемым здравым смыслом, здравой логикой. Он берет их, по преимуществу, как эмпирический факт, вне связи с породившей их социальной базой, с их классовыми корнями, без анализа особенностей эпохи, состояния естествознания и специфики его влияния, скажем, на махизм, без внутренних тенденций развития в последнем и т. д. Вся плехановская критика и неокантианства и махизма построена в основном на их формальном анализе и ведется главным образом в логическом аспекте. Поэтому в статьях против Бернштейна, К. Шмидта, Струве и др. мы видим у Плеханова не вскрытие антипролетарской, реакционной сущности кантовской философии, а в первую очередь вскрытие ее внутренних противоречий, ее логической несостоятельности. Плеханов показывает нам, что повсюду у Канта «непроходимый лабиринт нелепостей», везде «та же самая нелогичность» и т. д.

Этот упор на логические несообразности приводит Плеханова к «логически» верному, но объективно неправильному выводу, что «сущность «критической» философии состоит в ее внутреннем противоречии»².

На этом же характерном для Плеханова методе построена и его критика махизма. В своих «Письмах Богданову» он по всем правилам логики разбивает рассуждения Маха и Богданова, сводя их к бессмыслице, абсурду, к сплошной цепи «грехов» против требований логики. Все три письма Плеханова пересыпаны замечаниями о том, что

¹ Рахметов, К философии марксизма, Женева 1906 г., стр. 29.

² Грабовский, Долой материализм, 1910 г., стр. 149.

¹ Грабовский, Долой материализм, 1910 г., стр. 21.

² Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 54, 61, 81, 85.

философия Маха «переполнена непримиримейшими противоречиями», что Богданов часто впадает в логическую ошибку—*petitio principii*, строя свои доводы на недоказанных положениях, что он часто «нарушает элементарные требования логики», обнаруживает непоследовательность в суждениях, не имея на это «ни малейшего логического права» и т. д. и т. п.

Это стремление к логическому опровержению критикуемых философских систем, стремление, переходящее почти в главную цель критической работы, проводится у Плеханова совершенно сознательно и намеренно. В третьем письме к Богданову Плеханов пишет: «еще одно последнее сказанье, и я буду иметь возможность окончить список Ваших смертных грехов против логики»¹.

Разумеется, верно то, что как кантианство, так и махизм представляют собой непочатый край нелогичностей, противоречий, непоследовательности, и на основе этого нетрудно привести эти системы к абсурду. Вскрывать эти несообразности, конечно, можно и нужно. Но ограничиваться этим нельзя, и не это должно быть главным, решающим моментом в критике того или иного философского учения. Нужно, во-первых, чтобы все это сопровождалось решительным противопоставлением в положительной форме четко и строго разработанных истин того мировоззрения и того метода, против которых направлены ревизионистские устремления.

Нужно, во-вторых, чтобы критик был абсолютно неуязвим со стороны своего собственного мировоззрения и прочно стоял на принципиальных высотах диалектического материализма. Ни того, ни другого у Плеханова и у плехановцев не было. Эту ограниченность Плеханова Ленин вскрывал со всей решительностью, указывая, что в критике кантианцев например Плеханов «лишь с порога отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий»². Именно этим последним принципом проникнуты все важнейшие работы Маркса, Энгельса, Ленина, со всей силой страсти боровшихся против чистой критики, против голых полемики. Так построены «Капитал», «Немецкая идеология», «Анти-Дюринг», «Л. Фейербах», «Материализм и эмпириокритицизм», «Государство и революция», «Друзья народа» и т. д. Будучи строго полемическими по существу, основанными на жестокой критике всей предшествующей политекономии, идеалистической философии, домарксовского материализма, неокантианства, махизма и т. д. с их новейшими формами—они одновременно дают богатейшую разработку теории диалектического материализма, и в этом их решающая, непобедимая сила.

В-третьих, чего главным образом не хватало Плеханову в его критике махизма (и это главное),—это рассматривать махизм не просто как факт, как отдельное явление, а брать его так, как это делает Ленин: во всей совокупности условий, его породивших, во всей сумме его связей и опосредствований. Только при таком подходе со всей ясностью предстанет перед нами социальный смысл махизма, его

классовая сущность как своеобразного отражения борьбы буржуазии против пролетариата, как идеологической реакции буржуазии, служащей орудием политической реакции. Как возникла эта теория, против какого класса, интересам какой партии, какого класса она служит, в чем ее реакционность, почему и как с ней бороться,— вот основной лейтмотив методологии ленинской критики махизма, вот в чем содержание «Материализма и эмпириокритицизма». «Задача настоящих беглых заметок показать реакционность махизма и правильность материализма Маркса и Энгельса»,—говорит Ленин.

У Плеханова же, как мы видим, задачей является показать «список смертных грехов против логики». Конечно Плеханову понятна враждебность махизма пролетарскому мировоззрению, он борется против попыток Богданова навязать махизм пролетариату; он понимает, что махизм выражает собой общественное мнение современной, консервативной, по его выражению, буржуазии. Но на обоснование этого решающего тезиса у него уделено буквально две строчки текста и один абзац примечания, однако и в этих строчках у Плеханова нет должной прямоты и решительности, а, напротив, кроется существенный недостаток. Буржуазия этой эпохи (эпохи империализма) Плеханову представляется просто консервативным классом на достигнутом уровне мышления, отстающим от революционного пролетариата с его более передовой идеологией. Он не учитывает того, что эта буржуазия не просто застыла на одной точке, а движется в определенном направлении, именно движется назад, подальше от тех научных принципов, которые некогда ей же служили могучим подспорьем на пути ее восхождения к экономическому и политическому господству. Она отказывается от принципа объективной закономерности, от принципа причинной связи вещей и процессов, от теоретического объяснения вообще. Таким образом буржуазия теперь более чем консервативна—она реакционна. Поэтому вполне понятно, что уяснение всей реакционности философии махизма невозможно без прощупывания тех нитей, которые крепко связывают ее с кризисом естествознания, этой теоретической базой идеализма. Отсутствие анализа кризиса естествознания, упущение связи махизма с ним приводит Плеханова к ошибочным выводам в деле социальной квалификации самого Маха. Плеханову кажется, что Мах просто-напросто подпал под влияние окружающего общественного мнения, от которого между прочим мог бы освободиться, если бы догадался критически его осмыслить. «Вина Маха состоит только в том,—пишет Плеханов,—что он не успел критически отнестись к господствующему философскому течению своего времени».

Отсюда вывод, что «философии Маха, действительно, нет», «и это очень важно для нас, русских марксистов, к которым вот уже несколько лет пристают с «философией» Маха, и которым настоятельно советуют соединить эту несуществующую философию с учением Маркса»¹. Нет махизма, как философского учения, как определенной системы мировоззрения, а есть только полная «неизлечимых противоречий философии à la Мах, вернее à la Берклей или Фихте», не

¹ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 80—81.

² Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 57, 59.

¹ Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 92.

² IX Ленинский сборник, стр. 197.

представляющая, следовательно, особой опасности. Махизм представляется Плеханову не больше, как давно пройденной и давно разоблаченной чепухой, повторением задов берклеанского субъективного идеализма. Тот факт, что в связи с кризисом естествознания появились новые корни идеализма,—проходит мимо Плеханова. Напротив, он уверен, что именно современное естествознание и является вернейшим противоядием от идеализма. Он говорит: «субъективный идеализм и в XVIII веке был мертворожденным чадом философии. А в атмосфере современного естествознания ему и совсем дышать невозможно. Поэтому от него поминутно должны отрекаться даже те, которым хотелось бы воскресить его. Повторяю, логика имеет свои права»¹.

Поэтому Ленин бьет прямо по Плеханову, когда говорит: «философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого (простого), метафизического... Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть (*«вернее» и «кроме того»*) дорога к поповщине *через один из оттенков* бесконечно сложного познания (диалектического) человека»². Ленин подчеркивает, что идеализм—пустоцвет, но пустоцвет, растущий на живом дереве живой жизни, живого человеческого познания.

Вот в сжатой форме та сумма ошибок и недостатков, которые допускали Плеханов и его ученики и которые делали достаточно уязвимыми их собственные позиции в борьбе против махизма. Как раз на эти уязвимые места и направляют свои контрудары Юшкевич, Валентинов, Базаров, Богданов и др., подчас удачно используя слабости «ортодоксов» и обращая эти слабости в оружие против них же. Именно опираясь на эти плехановские прорывы в критике махистов, последние не считали сколько-нибудь убедительными доводы Плеханова против них. Богданов прямо указывает на формальный, односторонний подход Плеханова к разбору его взглядов, не критикуя их «по существу». Отсутствие указания на реакционность махизма, в связи с оставлением в стороне его классовых корней, на связь с кризисом естествознания и вытекающим из него физическим идеализмом, на буржуазный характер этой философии и т. д.,—все это позволяет Богданову невозмутимо заявить, что вся критика Плеханова сводится к набору оскорбительных эпитетов: «эклетик, ревизионист, идеалист г. Богданов и т. д., а признать подобного рода критику убедительной для себя я, конечно, не мог»³.

Понятно, что здесь Богданов напрасно отмахивается от этих «кличек», пусть оскорбительных, но тем не менее Богдановым вполне заслуженных. Но понятно также и то, что плехановская линия критики дает нам, в отличие от Ленина, не существо, не «корешки» вопроса, а по преимуществу его «вершки». Так как Плеханов и вся «школа ортодоксов» критиковали махистов от имени марксизма и его философии, то их философские ошибки выставлялись махистами как мировоззрение всего марксизма, ведшего борьбу с последними. В этом между прочим заключалась особая сложность и трудность той борьбы,

которую вел Ленин, наносивший жестокие удары на два фронта как против «марксистов»-махистов, так и против искажений диалектического материализма со стороны плехановской школы.

Плеханов в своих примечаниях к «Л. Фейербаху» (п. 7), возражая кантианцам, говорит: «если мы, благодаря действию на нас вещей самих по себе, знаем некоторые свойства этих вещей, то нам, вопреки Гольбаху, до некоторой степени известна и их природа», что «ведь и материалисты никогда не утверждали, что мы знаем, каковы вещи сами по себе, т. е. независимо от их действия на нас», что «помимо этого действия они никакого «вида» не имеют, что их «вид» существует только в сознании тех субъектов, на которых они действуют», что для улитки внешний мир имеет совершенно другой «вид» и т. д.

Эти положения повторяются и в письмах Богданову. Махисты с иезуитской хитростью разоблачают несостоятельность, непоследовательность, «нелогичность» этих рассуждений Плеханова. Юшкевич злорадствует: так, стало быть, по Плеханову, природа вещей известна нам лишь до «некоторой степени», а до некоторой степени, значит—неизвестна: если вещь в себе существует лишь постольку, поскольку она действует на нас, а иначе она «вида» не имеет, следовательно, явление не может быть результатом действия этой вещи в себе, не имеющей вида, а оно есть действие вещей в себе, отлично от явлений существующих,—явное противоречие; Плеханов же стоит за однородность вещи в себе и явления, т. е. растворяет первое во втором, «вид» вещей включает в сознание субъектов (улитки и пр.), стало-быть,—торжествует Юшкевич,—у Плеханова тот же махизм, Плеханов-де «нашим же добром бьет нам челом». В том же примечании к «Л. Фейербаху» Плеханов, не говоря о пространстве, что оно есть основная форма существования материи, утверждает лишь, что пространству «тоже соответствует некоторое объективное «an sich» («само по себе»). Если люди жили до меня и будут жить после меня, то этим «до меня» и «после меня» очевидно опять соответствует какое-то «an sich», не зависящее от моего сознания и только отражающееся в этом сознании в форме времени».

Базаров по этому поводу говорит, что плехановские вещи в себе существуют, стало-быть, не в реальном пространстве и времени, а в чем-то таком, что «лишь им соответствует». Он доказывает Плеханову, что тот отрезал себе все пути отступления и зашел в тупик.

Ясно, что непоследовательностью в своих философских воззрениях Плеханов дает махистам оружие против себя же. У Плеханова до известной степени бытие существует не во времени и пространстве, а в чем-то им соответствующем. У него нет критерия для проверки степени соответствия нашего мышления (его категорий) отношениям вещей в себе, ибо последние «до некоторой степени неизвестны».

Н. Валентинов, в интересах критики философии материализма, использует ошибки Плеханова в духе гилозоизма, его положение о способности материи ощущать и думать, об известной доле сознания у атомов, указывая, что здесь авторитетами для Плеханова являются не Маркс и Энгельс, а главным образом Пристли, Гольбах, Спиноза, Ламетри, Дидро и др.

Важнейшим же козырем Валентинова и других махистов против Плеханова является следующее, действительно нечеткое, путаное

¹ Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 59—60.

² Ленин, Соч., т. XIII, стр. 304.

³ Богданов, Приключения одной философской школы, стр. 54.

положение последнего, выдвигаемое против К. Шмидта с опорой на Гельвеция. В статье «К. Шмидт против К. Маркса и Ф. Энгельса»¹ Плеханов констатирует, что К. Шмидт, как и все материалисты, признает существование материального мира «не только в нашем сознании, но и вне его», что он твердо держится за этот мир. Стараясь доказать, что учение Энгельса, объясняющее «природу ее собственными силами», есть истинный материализм, Плеханов тут же делает совершенно непонятный, до крайности странный выкрутас, инкриминирующий К. Шмидту как тягчайшую вину — именно признание им существования объективного мира, — по той причине, что подобная точка зрения не вполне согласуется... с Гельвецием. Плеханов занимается реабилитацией, в глазах своего оппонента, «этого интересного и так сильно оклеветанного филистерами писателя» (т. е. Гельвеция — С. С.). Плеханов пишет: «... между тем как г. доктор Шмидт не сомневается в существовании *независимого* от нашего сознания *внешнего мира*, для Гельвеция это существование было только *вероятным*. Вероятность (его существования) эта, без сомнения, *очень велика*. и выводы, из нее вытекающие, равняются достоверности; но *все-таки это не более, как вероятность*. Это так удивительно, что этого даже и ожидать было невозможно: доктор К. Шмидт оказывается в роли «*догматика*» в сравнении с одним из материалистов восемнадцатого столетия. Говорите после этого о «прогрессе»².

Что можно сказать по поводу этой странной «теории вероятности», выдаваемой за неизбежную истину материализма, всякие отступления от которой (безотносительно к К. Шмидту, кстати сказать, далеко не заслуживающему чести называться «догматиком» в указанном выше смысле) влекут за собой суровые обвинения в догматизме, отставании от прогресса и т. д.

Остается сказать только одно: «невероятно, но факт». Само собой понятно, что махисты не были столь наивными, чтобы тотчас же не подхватить этого тезиса и не развить его до чудовищных размеров демагогии: вот, мол, каков материализм «ортодокса» Плеханова — признание существования объективного материального мира объявляется догматизмом, а преодоление «теории вероятности» Гельвеция — шагом назад. Поистине, здесь по отношению Плеханова можно сказать: сама себя раба бьет, коль нечисто жнет.

Валентинов по этому же поводу саркастически смеется: пусть мы, эмпириокритики, рискуя прослыть невеждами, останемся этими догматиками, в отличие от «ортодоксов» с их «вероятностью».

Наконец, важнейший пункт, по которому махисты пытаются наносить чувствительные удары Плеханову, это его трактовка материи.

Конечно махисты абсолютно неправы в своих приставаниях к марксистам-ортодоксам с требованиями определить точно и ясно, что же такое материя, которая и у Плеханова и у Аксельрод имеет деградированное гносеологическое значение в качестве «основы всех явлений мира», единственной «настоящей реальности». Не будучи способными понять смысл и различие философских и узко-научных опреде-

лений материи, махисты обнаруживают полную теоретическую несостоятельность, свою узко-позитивную, эмпирическую ограниченность. Понадобился гений Ленина, чтобы растолковать этим умникам, что такое материя в философском смысле и насколько основательны требования иных определений.

Но тем не менее Плеханов и Аксельрод не прочь были удовлетворить «любопытность» Базаровых и Валентиновых. «Материю называют то, — отвечает Плеханов, — что, *действуя на наши органы чувств, вызывает в нас те или другие ощущения*. Что же именно действует на наши органы чувств? На этот вопрос я вместе с Кантом отвечаю: *вещи в себе*. Стало-быть, *материя есть не что иное, как совокупность вещей в себе*, поскольку эти вещи являются источником наших ощущений»¹. Аналогичное по духу определение дает и Л. Аксельрод.

Плеханов и Аксельрод упускают главное, решающее в вопросе философского определения материи: они недостаточно и не везде подчеркивают момент *объективности* материи. Эту их ошибку и исправляет Ленин, говоря: «материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них».

Итак, в виду слабостей критиков махизма из русской школы «ортодоксов», махисты могли полемизировать с ними не без успеха. На первые два письма Плеханова А. Богданов ответил полным перечнем их «грехов» в книжке «Приключения одной философской школы» (1908 г.), в которой сквозит заносчивая уверенность, будто в его критике ошибок плехановской группы дано опровержение основ всего диалектического материализма, поскольку в Плеханове махисты видели олицетворение всей философии марксизма. Не говоря о бессилии богдановских потуг, о нищенской примитивности его доводов в деле опровержения диалектического материализма, следует однако заметить, что лично для позиций плехановцев удары Богданова оказывались порой достаточно чувствительными.

При этих условиях тем более странной представляется тенденция Деборинцев выставить Плеханова наиболее яркой фигурой во всей социал-демократической партии, исключительно на своих плечах вынести всю тяжесть борьбы как в указанный период, так и в годы, ему предшествующие. В статье «Ленин — воинствующий материалист», послужившей позднее введением к книге «Ленин как мыслитель»², Деборин старается определить роль и место Ленина в борьбе против махизма, придерживаясь для этой цели чисто исторического аспекта. Но так как факты говорят против него, он вынужден идти на заведомую фальсификацию истории. В вышеуказанной статье выступление Ленина в борьбе против махизма Деборин датирует началом 1908 г., а до этого якобы «точку зрения ортодоксального марксизма — диалектического материализма — защищала так называемая плехановская «школа» во главе с самим Плехановым»³.

Деборин смазывает действительный смысл и значение ленинского

¹ Плеханов, Соч., т. XI, стр. 111—117.

² Там же, стр. 116.

¹ Плеханов, Соч., т. XI, стр. 141.

² См. «ПЗМ», 1927 г., № 1.

³ Деборин, Ленин как мыслитель, изд. 3-е, стр. 16.

выступления не только как борьбы против махизма с единственно ортодоксальных позиций диалектического материализма, но и как упорной борьбы против искажений философии марксизма со стороны самого Плеханова. В этих целях Деборин в тонко завуалированной форме протаскивает утверждение о перевооружении Ленина теоретическими достижениями Плеханова, изображая дело таким образом, что все дальнейшее идейно-философское развитие марксизма на русской почве совершалось исключительно под эгидой Плеханова. Только это, а не что-либо иное означает следующая фраза Деборина: «объявляя войну махистам, Ленин в то же время заключает философский блок с Плехановым, несмотря на расхождение с ним по целому ряду вопросов политических, тактических, организационных и т. п. Этот блок имел огромное значение и предопределил в известном смысле дальнейшее развитие философии марксизма на русской почве»¹. Ни эта басня о «сердечном согласии» Ленина с Плехановым в философских вопросах, ни изображение ленинской и плехановской борьбы с махизмом в смысле деборинской хронологии не могут устоять перед истинной исторической фактов. А эта истина такова, что инициатором, пионером в области решительного отпора махизму не только на русской, но и на международной почве был Ленин, а не Плеханов. Плеханов, Аксельрод и др. долго медлили своим выступлением против махистов, и если мы в конце концов имеем известные антимахистские документы в их активе, то они являются главным образом продуктом ленинской настойчивости, ибо написаны после упорных приставаний Ленина к означенным авторам. Об этом свидетельствуют собственные заявления Плеханова и Аксельрод. В статье «Новая разновидность ревизионизма», написанной в 1904 г. по поводу богдановского «эмпириомонизма» Л. Аксельрод пишет: «Приблизительно года полтора тому назад Ленин обратился ко мне с предложением выступить против новой «критики» марксовской теории, выразившейся в сочинениях г. Богданова... Ленин энергично настаивал на том, чтобы я немедленно занялась оценкой этого течения. Он говорил мне при этом, что он обращался с этим предложением к Г. В. Плеханову, но что Г. В. Плеханов, вполне разделяя мысль о необходимости такой работы, тем не менее отказался от нее вследствие более насущных и более неотложных партийных занятий»². Какие побуждения руководили Плехановым при его отказе от предложения Ленина, видно из его писем к Богданову, где Плеханов объясняет причины отказа от выступления против неокантианского ревизионизма Струве, а также против Богданова. Известно, что махисты — Юшкевич, Валентинов, Богданов и др. эту медлительность Плеханова истолковывали в свою пользу, оправдывая этим принципиальные основы своей теории, против которых якобы диалектический материализм бессилён выставить какие-либо контрдоводы. Богданов опубликовал в «Вестнике жизни» специальное открытое письмо Плеханову, требуя от него публичного опровержения взглядов, изложенных в «Эмпириомонизме». В письме к Богданову в 1907 г. Плеханов пишет: «Некоторые мои товарищи советовали мне заняться Вами..., многие товарищи удивлялись тому,

¹ Деборин, Ленин как мыслитель, изд. 3-е, стр. 21.

² Л. Аксельрод, Философские очерки, М. 1925 г., стр. 169.

что я до сих пор не находил нужным полемизировать с Вами». И вот Плеханов в оправдание своего молчания приводит соображения, по которым он в свое время отказался от критики Струве по поводу его неокантианской статьи «О свободе и необходимости». Плеханов пишет: «Я помню, как Ленин, увидевшись со мной летом 1900 г., спрашивал меня, почему я оставил эту статью без внимания. Мой ответ Ленину был очень прост: мысли, высказанные г. Струве..., были заранее опровергнуты мной в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Тому, кто прочитал и понял мою книгу, должно было быть ясно, в чем заключалась новая ошибка автора «Критических заметок». С теми же, которые моей книги не прочитали или не поняли, мне толковать было некогда. Я никогда не думал, что я обязан играть при нашей марксистской интеллигенции роль Щедринской совы... Я не имел ни охоты, ни возможности исполнять эту неблагодарную роль, так как у меня были другие практические и — главное — теоретические задачи. Далеко ушел бы я вперед в теории, если бы я «отзывался» на все то, на что у меня требовали и требуют «отзыва»¹.

Далее, в одном из номеров журнала «Правда» за 1905 г. Н. Валентинов по поводу плехановского сборника «За 20 лет» указывал, что в нем слабо дана разработка философских проблем. Кроме того обращал внимание автора на то, что его положение в статье «Сант против Канта» об «известной доле сознательной способности атомов» может быть свободно соединено с теорией Маха-Авенариуса. Плеханов в предисловии ко 2-му изданию того же сборника в ответ на это не нашел сказать ничего другого, как только небрежно бросить замечание: «об этом я поговорю с благосклонным критиком, когда он выскажется обстоятельнее». Вот какой ответ выслушали простые смертные, «философские посредственности» от блистательного «маэстро», — ответ по высокомерию достойный олимпийца, исполненного гордого сознания собственного достоинства. Видите ли, не стоит тратить времени на такие пустяки, как полемика со Струве или с Богдановым, от которой могут пострадать «теоретические» лавры Плеханова, этим могут заняться такие «практики», как Ленин и др.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что у Плеханова нет ни слова о той гигантской роли, которую сыграла книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в деле беспримерного разгрома как классического, так и русского махизма. Вся критику махизма в своих письмах Богданову, несмотря на появление некоторых из них лишь после «Материализма и эмпириокритицизма», Плеханов ведет таким образом, как будто никаких работ у Ленина в этой области и не было, и вся заслуга разоблачения махизма принадлежит исключительно ему, Плеханову. Использование махизма в интересах фракционной борьбы против большевизма красной нитью проходит во всех работах меньшевистских теоретиков как периода подготовки и самой революции 1905 г., так и в самый разгар философской «разборки», сменяясь новыми выпадами против большевиков в годы империалистической войны. Эта фракционность наносила громадный ущерб делу ликвидации махизма, ибо она, дезориентируя рабочий класс, давала в руки

¹ Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 6, 7.

самых махистов лишний аргумент против диалектического материализма. Плеханову и его соратникам — Деборину, Аксельрод и др., нужно было убедить широкие демократические круги, что махизм является официальной большевистской платформой в вопросах философии, поэтому де никого не должна удивлять борьба меньшевиков против большевиков. Для этого они всячески тормозили отделение философской драки от политической борьбы, от борьбы на основе принципиальных тактических разногласий, в то же время замалчивая тот факт, что махисты имелись налицо не только у большевиков, но и среди меньшевиков, например Юшкевич, Валентинов и др., и позднее, в 1908 г., Плеханов, по настоянию Ленина, сам же должен был констатировать этот факт. Когда «Neue Zeit» была склонна рассматривать споры вокруг махизма как вопросы фракционного деления в русской социал-демократической партии (причем вопрос спора стоял якобы так: «согласуется ли марксизм в теоретико-познавательном отношении с учением Спинозы и Гольбаха, или Маха и Авенариуса?»), редакция большевистского органа «Пролетарий» вместе с Плехановым в № 21 названного журнала поместила официальное опровержение этой клеветы. В нем говорилось, что «в действительности этот философский спор фракционным не является и, по мнению редакции, быть не должен; всякая попытка представить эти разногласия как фракционные ошибочна в корне. В среде той и другой фракции есть сторонники обоих философских направлений»¹. Но факт остается фактом: Плеханов долгое время занимался пришиванием махизма большевизму, приписывая последнему идеализм и метафизику, а себе — диалектику. В 1906 г. в своих «Письмах о тактике и бестактности» он писал: «Когда я говорю, что мы на словах и фактически держимся Маркса и его диалектики, я, разумеется, не имею в виду теоретиков нынешнего нашего бланкизма. В области философии эти люди даже на словах не идут за Марксом. Они выступают в качестве его «критиков»; для них, стоящих на точке зрения эмпириомонизма, диалектика — «давно превзойденная ступень».

Здесь Плеханов выдумывал несуществующий блок большевиков с эсерами, ожог естелья махистские симпатии В. Чернова со взглядами Ленина, и при этих условиях расстановка сил в философской борьбе якобы получалась такая: на одном фронте стоят большевики-махисты и рядом с ними — народники-махисты, против них обоих — плехановская «школа ортодоксов», ведущая общую борьбу с их махистскими воззрениями как с философией бланкизма в различных его оттенках.

Ленин говаривал, что когда идеалист критикует идеалиста, в выигрыше неизменно остается материализм. П. Юшкевич, подобно этому, нам дает пример того, как из борьбы меньшевика с меньшевиком выигрывает большевизм. Ложь и задние мысли плехановской школы в целях фракционной борьбы с большевизмом политическим Юшкевич невольно разоблачает в целях борьбы с большевизмом философским. Кровно обиженный отношением махизма к большевизму, он обвиняет Плеханова в попытке создать новый «шиболет», новый «реактив на большевизм», доказывая немислимость тесной связи меж-

¹ I Ленинский сборник, стр. 104 (примеч.).

ду махизмом и большевизмом, ибо «большевики останутся большевиками со всеми недостатками своей отсталой тактики; махизм же от того, что его усвоили некоторые плохие политики, не перестанет быть одним из наиболее прогрессивных течений современной философской мысли».

С легкой руки своего патрона эта клевета на большевизм была дружно подхвачена Дебориным и Аксельрод. В меньшевистском органе «Голос социал-демократа» была опубликована статья А. Деборина «Философия Маха и русская революция», в которой сказал с меньшевистской сущностью деборинских воззрений и их глубокая враждебность идейно-политическим принципам большевизма.

Нет такого греха, который, согласно этой статье Деборина, не был бы свойствен большевизму. Тут и махизм — «это мировоззрение без мира», тут и волюнтаризм и индивидуализм, тут же и ницшеанский имморализм с его оправданием «зла», эксплуатации и пр. — идеологический туман, «окутывающий практические стремления буржуазии», — вся эта мешанина и есть большевизм. Деборин пишет: «Печать субъективизма и волюнтаризма лежит на всей тактике так называемого большевизма, философским выражением которого является махизм... Большевистские философы в «идеологии» своей не переходят за пределы мелкобуржуазного кругозора. Большевистские же стратеги, тактики с их романтическим революционизмом и мелкобуржуазным радикализмом прилагают на практике теоретические принципы философского нигилизма, в основе которого лежит отрицание объективной истины и признание права за каждой личностью определять характер дозволенного и недозволенного, истинного и ложного, доброго и злого, справедливого и несправедливого. Наши махообразные марксисты — сознательные большевики, «осмысливающие» практику и тактику последних. Большевистские же тактики и практики — бессознательные махисты и идеалисты».

Несмотря на обилие выливаемых на большевизм потоков лжи и клеветы, у Плеханова и Деборина все же не хватало мужества изображать большевизм как идеологию реакционной буржуазии. Они делали большевикам «одоление», выставляли их в качестве идеологов «революционного радикального слоя буржуазии», и именно в этом смысле махизм на русской почве и расценивается Дебориным как объективно прогрессивное явление». Но так как высшей, наиболее передовой идеологией является собственный марксизм Плеханова и Деборина, адекватно выражающий якобы мировоззрение пролетариата, то ясно, что по отношению к нему махизм и его синоним — большевизм «играют реакционную роль».

Ставя знак равенства между махизмом и большевизмом, Деборин усерднейшим образом уверял, что сущность большевизма составляет его мелкобуржуазная классовость, лишь прикрываемая в интересах вербовки союзников из среды рабочих трескучей фразой о диктатуре пролетариата и крестьянства. Это полностью подтверждается следующей выдержкой из той же статьи Деборина: «Бессилие и политическая отсталость мелкой буржуазии заставляют ее искать временных союзников среди других классов населения. Самым же надежным и революционно-последовательным союзником является пролетариат. Но чтобы «расположить» к себе последний, в целях хотя

бы «диктатуры пролетариата и крестьянства», приходится прибегать к марксистской фразеологии, дающей возможность прикрывать мелкобуржуазную «сущность». Ведь наши эсеры «тоже марксисты». И разве наши махообразные «тоже марксисты» не «тоже субъективисты»?

Выходит, что «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, написанный в 1908 г. и увидевший свет гораздо раньше резолюций «Парижского совещания», не означал еще разрыва с махистами, хотя и ребенку ясно, что в лице ленинской книги мы имеем документ, загнавший осиновый кол в бесславную могилу бесславного махизма. Выходит, что Ленин, еще в 1902—1903 гг. побуждавший Плеханова и Аксельрод к решительному выступлению против махизма, в начале 1908 г. жестоко отхлеставший последний в статье «Марксизм и ревизионизм», составивший в том же году «Десять вопросов референту», написавший пространное «объяснение в любви» к Богданову в «Заметках рядового марксиста» (1906 г.) и т. д. и т. п., — выходит, что при всем этом Ленин примиренчески относился к махистам, или довольствовался созерцанием борьбы Плеханова, Аксельрод с махистами. Ясно, как день, что между утверждениями Деборина и фактами — дистанция огромного размера.

Роль и место Л. Аксельрод в философской дискуссии разбираемого периода вырисовываются со всей ясностью из того приема, который был оказан ею «Материализму и эмпириокритицизму» Ленина. В своей рецензии Л. Аксельрод на эту книгу весьма решительно обвиняла Ленина в том самом дуализме вещи и ощущения, который казался наибольшим пороком гносеологии материализма в глазах всей махистской школы, всеми силами отстаивала плехановскую теорию «иероглифов» (символов) и с неменьшим рвением дискредитировала диалектико-материалистическую теорию отражения Ленина, называя ее «платонизмом наизнанку», возвратом к вещам в себе в абсолютном смысле слова и т. д.

Уже в этой рецензии у Аксельрод довольно внятно звучат нотки фракционной вражды к большевикам, попытки представить Ленина фантазером и романтиком в политике, уличить его в пристрастии к махистам-меньшевикам. Она говорит: «Из русских махистов достается от Ильина (Ленина — С.С.) больше всего П. Юшкевичу. С Богдановым. Луначарским и Базаровым он обращается куда вежливее. Это, должно быть, потому, что в области политики Ильин, подобно всем махистам-большевикам, сам принимал все свои ощущения и все свои представления за реальную действительность»¹.

Но это лишь младенческий лепет по сравнению с той горой лжи, до которой позднее доходит Л. Аксельрод-Ортодокс в своем усердии оклеветать большевизм, опорочить марксизм.

Критика Л. Ортодокс (Аксельрод) махизма мало чем отличается от плехановской; она ведется в том же чисто логическом, строго академическом разрезе, но с тем однако, что у ней то и дело проскальзывают симпатии к Маху. В Журнале «Дело» в статье «Э. Мах как философ» Л. Ортодокс, в противовес Ленину, вполне соглашается с тем, что у Маха задача — не философская, а исключительно методологическая, причем самое важное в его учении то, что он якобы «объединяет тео-

рию и практику в нечто единое целое». Несмотря на личные возражения Маха против обвинения его в материализме (и идеализме), она серьезно думает, что Мах из ядно «грешил материализмом». Материалистическое направление сказывается, — пишет она, — в смелой, решительной борьбе без обиняков и компромиссов — против религиозных представлений..., против всех родов идеалистического априоризма и сверхопытного миропорядка»¹.

В другом месте Аксельрод говорит, что теория познания махизма «включила в себя некоторые весьма решающие положения из объективного идеализма и даже материализма»².

В статье «Два течения» Л. Ортодокс (Аксельрод) всегда за Плехановым утверждает, что «в нашей марксистской литературе к эмпириокритицизму примкнули преимущественно писатели, принадлежавшие к так называемому большевистскому направлению»³, и сознательно замалчивает махизм меньшевиков. Объектами для критики махизма в статье выступают по преимуществу писатели, так или иначе призывавшие к большевикам: Богданов, Базаров и др.

Указание большевикам на наличие махистов и в среде меньшевиков, по Л. Аксельрод, «ровно ничего не опровергает», ибо видите ли, здесь вопрос не о взглядах отдельных личностей, «а о направлении в целом, которое при ближайшем и более внимательном рассмотрении всегда обнаруживает логическую закономерность, поддающуюся философскому обобщению». Подобными приемами она пытается перекинуть мост между течением махизма и идейно-политической линией большевизма.

Большевизм она рисует как настолько грубое, плоское явление, что оно не заслуживает даже права называться общественным течением, так как для уяснения скрытой связи между философией и всяким общественным течением требуется тщательный анализ его внутреннего содержания, в отношении же большевизма и махизма якобы в этом нет никакой надобности. Связь между большевизмом и махизмом бросается в глаза и с вульгарно-эмпирической или, выражаясь термином эмпириокритиков, с чисто описательной точки зрения. В самом деле, большинство теоретиков большевизма исповедуют эмпириокритическое учение. Философия для этих теоретиков не серьезный предмет, а метод мышления, которым обуславливаются и приемы практической их деятельности». Аксельрод яростно нападает на ленинское «Что делать» и его главный тезис об отношении стихийности к сознательности, выраженный в положении Ленина: «История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тредьюнионистское».

Клевета Аксельрод не имеет пределов. Она утверждает, что большевики искусственно подогревают «настроение, прибегая... к старому бунтарскому средству, к воздействию на неформленные революционные страсти, затемняющие сознание и превращающие массу в толпу, а так называемую личность — в ее бесполезное орудие». Таковы, по утверждению Л. Ортодокс, «психология и логика большевизма».

¹ «Дело», 1916 г., № 2, стр. 27.

² Сб. «На рубеже», 1909 г., стр. 255.

³ Сб. «На рубеже», 1909 г., стр. 259.

¹ Ленин. Соч., т. XIII, приложения, стр. 332.

И вот она берется за трудную задачу: подвести под эту «ужасную» политику и «бунтарский» метод мышления большевиков соответствующую теоретическую базу, и находит ее конечно в махизме. При этом цепь ее рассуждений такова.

Как известно, в махистском толковании опыта нет места понятию о внутреннем процессе развития, махизм ищет «абсолютную адекватную картину».

Между причиной и следствием, между условием и обусловленным в эмпириокритицизме существует абсолютное тождество; всякое расстояние во времени отсутствует. Как там, так и здесь первое растворяется во втором. Причина всплывает вверх лишь по осуществлении следствия; действие на историческом расстройении не допускается. Следовательно, «всякая поставленная цель требует одновременной наличности средств, сумма которых равняется цели, представляя тождество».

Такова теория махизма в свете ее приложения к фактам исторического развития. «Эта именно мертвая, неподвижная догма,—воскликает Аксельрод,—составляет основу метода мышления большевизма, с точки зрения которого осуществление программы-минимум должно было совпасть во времени с условиями, которыми определяется это осуществление... Одним словом, с одной стороны, общие цели возвышались в виде застывших догм, а с другой стороны, опять-таки как в теории Маха,—господствовали субъективный произвол и вульгарный эмпиризм»¹.

Все это, по Аксельроду, полностью вытекает из социальной природы большевизма, который-де является не партией пролетариата, а партией мещанства, которое, обычно неспособное к процессу развития и мирно настроенное, вдруг преобразуется, вступив на путь борьбы и становясь в ней ярким утопистом и романтиком.

«Этот мещанский революционизм,—заключает Аксельрод свой «глубокий» анализ,—ярко и отчетливо выразился в большевистском течении, которое насквозь проникнуто методом мышления эмпириокритической философии»².

Мы дали обзор философских взглядов плехановской группы «ортодоксов» и практического преломления этих взглядов в организационно-тактической и политической области в лице виднейших представителей группы—Плеханова и Л. Аксельрода. Из этого обзора мы видим, что ни сам Плеханов, ни его «ортодоксальные» ученики никогда не стояли прочно на почве диалектического материализма Маркса—Энгельса, а вследствие этого не понимали всей непримиримости последнего к всем философским теориям, кроме диалектического материализма. Отсюда известная леность, вялость, нерешительность, незаконченность и непоследовательность критики чуждых марксизму теорий, постепенно переходящие в примиренчество к ним как к частным вопросам, а затем, в силу внутренней логики фракционной борьбы, и в прямую защиту теоретического ревизионизма, будь то в философии или в политике. Вспомним то крайнее недовольство, которое высказывает Ленин по поводу Плеханова, во-время

¹ Сб. «На рубеже», 1909 г., стр. 265.

² Там же, стр. 266.

не удосужившегося выступить «решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников»¹. Ленин прямо констатировал, что «из мелких фракционных интересов Плеханов и К^о дошли до защиты теоретического ревизионизма при помощи самых недостойных софизмов»².

Мы уже видели, как меньшевистствующий идеализм вместо объективного разоблачения теоретического и практического оппортунизма Плеханова, вместо беспристрастной критики его ошибок и уклонений от диалектического материализма, все еще занимается извращением фактической стороны дела, выставляя Ленина безоговорочным союзником, «надежной правой рукой» Плеханова в борьбе против неокантианского и махистского ревизионизма.

Из ряда высказываний Ленина мы с предельной ясностью устанавливаем, что в деле защиты основоположений философии марксизма Плеханов не сделал и половины того, что объективно можно и нужно было сделать с точки зрения всех требований диалектического материализма.

Меньшевистствующие идеалисты, стирающие грани между Лениным и Плехановым в критике махизма, роковым образом упускают такую «мелочь», как примечание Ленина в конце «Материализма и эмпириокритицизма». Ленин там прямо указывает, какое «мелкое и мизерное использование» позволяет себе Плеханов в отношении таких вещей, как «коренные теоретические разногласия» в марксизме. Ленин пишет: «Плеханов в своих замечаниях против махизма не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму»³.

В одном из писем М. Горькому Ленин говорит, что вместо защиты диалектического материализма «Плеханов вредит этой философии, связывая *тут* борьбу с фракционной борьбой»⁴, что Плеханов стал уже «Федот да не тот», поэтому нельзя не видеть разницу между нынешним и прежним Плехановым, худо или хорошо, но во всяком случае честно и искренно отстаивавшим теоретический марксизм от искажений.

Таким образом становится совершенно ясным, что гигантская борьба за чистоту марксистской философии, начиная с 90-х годов прошлого столетия, всей своей тяжестью падала на большевизм с Лениным во главе. Во всей той невероятной путанице, которая образовалась вокруг толкования теоретических основ марксизма, Ленин был единственным, который непоколебимо стоял на испытанных позициях диалектического материализма и вел решительную, жестокую критическую линию, борясь направо и налево с открытыми и скрытыми идеалистами и вульгарными материалистами, с агностиками-кантианцами и агностиками-юмистами, где нужно—вместе с Плехановым против неокантианцев и махистов, где нужно—против Плеханова—за ортодоксальный марксизм, за диалектический материализм.

¹ IV Ленинский сборник, стр. 8—9.

² Ленин, Соч., т. XII, стр. 386.

³ Там же, т. XIII, стр. 290.

⁴ I Ленинский сборник, стр. 97.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие (И. Луппол)	3
I. ФИЛОСОФСКОЕ РАЗВИТИЕ К. МАРКСА (П. Липендин и С. Николаев)	
1. Вступительные замечания	23
2. Германия эпохи классического идеализма. Двойственность и противоречия в идеологической области	29
3. Начальный период философского развития Маркса. Маркс и младогегельянцы	41
4. Преодоление гегелевской идеалистической диалектики в политической борьбе	50
5. Критика гегелевской философии права	59
6. «Святое семейство» и «Немецкая идеология»	67
II. ВУЛЬГАРНЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. И СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИСТЫ—(Г. Таганский)	
1. Причины возникновения вульгарного материализма	79
А. Германия после революции 1848 г.	—
Б. Крушение старой философии	83
В. Естествознание на крутом перевале	87
Г. Вульгарные материалисты как «разносчики дешевого материализма» (краткая общая характеристика вульгарного материализма).	91
2. Теоретические предшественники вульгарного материализма.	95
А. Фейербах и вульгарные материалисты	—
Б. Кабанис как непосредственный теоретический предшественник вульгарного материализма	97
3. Проблемы материи и сознания в вульгарном материализме	101
А. Материя и сила	—
Б. Материя и сознание	106
В. Теория познания Молешотта	112
Г. Механицизм и фатализм вульгарных материалистов	114
4. Вульгарные материалисты как метафизики и противники диалектики	116
А. Бюхнеровская и фогтовская критики идеализма и религии	—

Б. Бюхнер против «материализма»	120
В. Марксистско-ленинская критика вульгарного материализма	121

III. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ВУЛЬГАРНЫХ МАТЕРИАЛИСТОВ (Н. Юшманов)

1. Общественные взгляды вульгарных материалистов	124
2. Вульгарный материализм на русской почве	132
3. Современный механицизм	138
А. Проблема материи	139
Б. Теория сведения	143

IV. ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЛАССАЛЯ И ГЕРМАНСКИЙ СОЦИАЛ-ФАШИЗМ (Г. Адамян)

1. Социально-экономические корни лассальянства	148
2. Философские взгляды Лассалья	153
3. Германский социал-фашизм и Лассаль	168

V. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЛАССАЛЯ (А. Гагарин)

1. Социологические взгляды Лассалья	179
2. Политические взгляды и тактика Лассалья и лассальянства. Критика их Марксом и Энгельсом	196
3. Лассальянство на русской почве и ленинский этап в борьбе с ним	205

VI. НЕОКАНТИАНСТВО (А. Ситковский)

1. Классовые корни буржуазного неокантианства и причины его проникновения в рабочее движение	219
2. Теория познания неокантианцев	235
А. Кант и неокантианцы	—
Б. Теория познания и физический идеализм марбургской школы	238
В. Теория познания фрейбургской школы	262
3. Общественные науки в трактовке неокантианцев	280
4. «Этический социализм» и кантианство в этике	292

VII. МАХИЗМ КАК ФИЛОСОФИЯ РЕАКЦИИ (Г. Габриэлян)

1. Социальные корни махизма	309
2. Критика теории познания махизма	313
3. Кризис буржуазного естествознания и махизм	326

VIII. МАХИЗМ НА РУССКОЙ ПОЧВЕ (С. Смолов)

1. Социально-исторические предпосылки возникновения махизма в России.	331
2. Ревизионистская сущность русского махизма	347

А. Расстановка партийно-классовых сил в философской борьбе 1908—1910 гг.	347
Б. Махизм и материализм	351
В. Махизм и диалектика	358
Г. Махизм и вопросы исторического материализма	368
Д. Махизм и богостроительство	372
3. Махизм и марксизм II Интернационала	382
4. Плеханов и его ученики в критике махизма	389
5. Основные линии ленинской борьбы с махизмом	410